

ностью драматургических приемов «Цезаря и Клеопатры» скрывался особый тип исторического мышления, и именно он определил парадоксальную поэтику драмы». Центральный персонаж этой пьесы — носитель «антидогматического», «антифетишистского» сознания, и именно это дает ему возможность «видеть настоящее глазами будущего», в этом «источник его духовной силы».

А. Ромм сумела по-новому прочесть и пьесу «Пигмалион», показав, что в ее основе лежит большая и чрезвычайно важная для Шоу тема «творчества» в широком смысле этого слова. Удался автору и анализ «Святой Иоанны», пьесы, которая рассматривается как вершина в развитии революционно-гуманистической мысли Шоу.

К сожалению, глубина и убедительность анализа, характерные для разделов книг, посвященных творчеству Шоу довоенных лет, в значительной степени утрачиваются, когда А. Ромм переходит к характеристике поздних пьес драматурга. Она говорит о них скороговоркой, бегло перечисляя их жанровые и драматургические признаки, сбиваясь на описательность. Нельзя не пожалеть и о том, что произведения Шоу 20—30-х годов даются в книге в отрыве от литературного фона.

Спорной представляется трактовка «Разоблачения Бланко Поснета», этой самой «толстовской» из драм

Шоу, которую исследователь рассматривает как своеобразную «полемику» с великим русским писателем. Для такого вывода пьесы, по нашему мнению, не дает достаточных оснований. Уязвимым местом работы является до известной степени и раздел, посвященный «Человеку и Сверхчеловеку». А. Ромм вряд ли права, рассматривая центрального героя драмы Джона Теннера исключительно как «героя позы». Нам представляется, что Джон Теннер — создатель «Справочника разрушителя» — является объектом не только иронии, но и симпатии Шоу. Вряд ли можно говорить о том, что его идеи «становятся в один ряд с другими вздорными и жизненно несостоятельными идеями современного мира». В этом случае, как и в некоторых других, А. Ромм слишком отождествляет Шоу-философа и Шоу-художника, что и приводит автора книги к некоторому смещению акцентов.

Но наши возражения относятся к отдельным положениям книги, а не ко всей концепции в целом, которая, будучи самобытной и оригинальной, основана на глубоком изучении эпохи и творчества Б. Шоу. Книга не только доносит до читателя «аромат» творчества Шоу, но и помогает почувствовать его глубокую актуальность, его прямую связь с нашей эпохой.

Е. ПОГОРЕЛАЯ

г. Ленинград

КОРОТКО О КНИГАХ

ВНАЧАЛЕ БЫЛА ЛЮБОВЬ... *

Имя литературоведа В. Дувакина неразрывно связано с творчеством Маяковского. Очерки, статьи и

* В. Дувакин, *Радость, мастером кованная. Очерки творчества В. В. Маяковского, «Советский писатель», М. 1964, 444 стр.*

исследования, объединенные в его книге «Радость, мастером кованная», — это то, что «отстоялось словом», «что пережило минуту» и легло в фундамент общего дела — изучения творчества великого поэта.

Сборник открывается небольшим вступлением «В запасе вечность». В нем автор говорит о значении Маяковского, о влиянии его творчества на современников. «В поэзии Маяковского,— пишет В. Дувакин,— мощь революционной патетики, ярость обличения и нежность, чистота, человечность слиты в неразрывном единстве. Каждый, кто любит поэзию, «войдя» в стих Маяковского, вчитавшись в него, не может не ощутить подлинности и значительности выраженных в нем переживаний, их захватывающей силы». Сохраняя это ощущение «подлинности и значительности переживаний», В. Дувакин «вводит» читателей в стих Маяковского, заставляет полюбить его, но делает это так ненавязчиво, словно читатели сами приходят к Маяковскому.

Лучшая статья сборника — «Революцией мобилизованный и призванный» — итог огромной исследовательской работы, проделанной В. Дувакиным. «Окна РОСТА» — фантастическая вещь,— писал Маяковский.— Это обслуживание горстью художников, вручную, стопятидесятиmillionного народища». Изучению этой «фантастической вещи» и посвятил себя В. Дувакин. Он просмотрел несколько тысяч оригиналов и трафаретов «Окон» в государственных архивах, по крохам воссоздал их историю.

«Окна РОСТА» были нелегкой литературной школой, где совершенствовалось мастерство, где шли поиски новых поэтических приемов. Правильно пишет В. Дувакин: «Если детальность изысканий покажется читателю слишком скрупулезной, пусть читатель не посетует: за этими «сухими» фактами — революция, за этими цифрами — бессонный труд великого поэта. И каждая «мелочь» дорога нам сегодня». Именно эта скрупулезность исследования, это внима-

ние к «мелочам» и делает работу В. Дувакина такой убедительной и интересной.

Наиболее важна та часть работы, где В. Дувакин обосновывает авторство текстов «Окон», ведь большинство их было анонимно. Тщательное исследование рукописей поэта, его рисунков, изучение книг, каталогов выставок, сопоставление всего этого с воспоминаниями современников и дало В. Дувакину возможность с уверенностью авторизовать и датировать большинство «Окон».

С большим интересом читаются вторая и третья части статьи об «Окнах» — «Летопись труднейшего трехлетия» — тематика ростинских плакатов, и «Поэтика «Окон РОСТА». Здесь интересны и замечания о связи плаката и газеты, и разговор о специфике «Окон», и исследование многообразия жанровой и композиционной структуры.

Удачна также статья о сатире Маяковского «И штык, и кнут». Прослеживая путь Маяковского от сатирических гимнов в аверченковском «Новом сатириконе» до разящих фельетонов в «Комсомольской правде», автор показывает то новое, что привнес Маяковский в сатиру. Хотелось бы видеть в книге ее естественное продолжение — исследование сатирических образов в драматургии Маяковского,— но поскольку автор сам оговорил в предисловии, что «хорошо отдает себе отчет, как много важно... отсутствует» в книге, то и мы будем судить его по законам, им самим установленным.

К сожалению, не все статьи, собранные в книге В. Дувакина, равноценны.

Так, в статье «Радость, мастером кованная» В. Дувакин, убедительно показывая эволюцию взглядов критиков на «лирику» и «агитационную

поэзию», правильно пишет, что «противопоставление «лирика» и «агитатора» не только искажает подлинный творческий облик Маяковского, но и является теоретически несостоятельным». Однако правильные выводы не вытекают здесь из анализа текстов.

В основе статьи «Полпред стиха» — материалы альбома вырезок из иностранной и эмигрантской печати, составленного при жизни поэта и по его указанию, а также публикации начала 30-х годов. Да и сама статья была напечатана в 1935 году. В рецензируемый сборник В. Дувакин включил ее в сокращенном виде.

Тридцать лет назад она была несомненно своевременна. Но в книге, где широко анализируются сатира и лирика Маяковского, его работа в РОСТА, его поэмы и стихи, «Полпред стиха» выглядит искусственным привеском.

Даже на фоне сегодняшнего солидного литературоведения работа В. Дувакина несомненно привлечет внимание и уникальностью собранного в ней материала, и эрудицией, а главное, той бескорыстной любовью к поэту, без которой «вход» к Маяковскому должен быть воспрещен.

В. ЗЕМСКОВ

РУССКИЕ ПОЭТЫ XIX ВЕКА *

Интерес к русскому поэтическому слову возрастает с каждым годом как у нас, так и во всем мире. Известно, что во Франции Эльза Триоле при деятельном участии Арагона, Клода Фриу и Леона Робеля выпустила антологию русской поэзии в подлинниках и во французских переводах, имевшую исключительно большой успех.

А у нас третьим изданием вышла составленная, точнее сказать, созданная Н. Гайденковым книга «Русские поэты XIX века». Правда, понятие XIX века в ней немного расширено — она открыта гремящими, донныне совершенно живыми строками Державина, а заключают хрестоматию стихи Бунина и Горького.

Н. Гайденков ставил перед собой две цели: с одной стороны, представить читателю особенно характерные

образцы русской классической лирики и, с другой — собрать воедино все наиболее ценное из забытого или полузабытого, не входившего в собрания сочинений поэтов и до сих пор разбросанного в малодоступных изданиях.

Как же произведен отбор в золотом фонде русской лирики, насколько ценно то, что привлечено из старых книг и журналов, и зажило для многочисленных читателей новой жизнью? Как совершенствуется хрестоматия от издания к изданию? Можно сказать, что каждый из разделов книги выполнен таким образом, что читатель получает ясное и довольно полное представление о характере и многообразии лирического наследия выдающихся поэтов. Так, в шестнадцати стихотворениях Баратынского нашли свое выражение и его суровое, отрешенное любовное чувство, и горькие размышления поэта о судьбах человечества, и строгий взгляд на общение читателя и художника, и картины русской

* «Русские поэты XIX века». Хрестоматия. Сост. Н. М. Гайденков, изд. 3-е, дополненное и переработанное, «Просвещение», М. 1964, 1040 стр.